

**ПРОБЛЕМА КВАЛИА:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ**

Р. Вергауен

*Центр логики и философии науки Института философии
Левенского католического университета (Бельгия)*

Е. Н. Ищенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 ноября 2018 г.

Аннотация: *природа квалиа («сырых чувств», «сознательных ощущений» или чувства «каково это быть») является одной из центральных тем философии сознания. Квалиа обозначают свойства психических состояний, а также сознательный опыт в целом. В статье показано, насколько тесно дискуссии о природе и реальности квалиа, их сводимости/несводимости (или исключаемости/неисключаемости) связаны с онтологическими основаниями теорий, участвующих в их объяснении; а также, как, учитывая введенное Карнапом различие между внутренними и внешними вопросами в онтологии, можно построить нередуктивную натуралистическую теорию квалиа, позволяющую рассматривать эти явления в реалистической онтологии и эпистемологии.*

Ключевые слова: *метаонтология, проблема квалиа, трудная проблема сознания, реализм, редукционизм, (не)сводимость, нередуктивный натурализм.*

Abstract: *the nature of conscious phenomenal states or Qualia – also called «raw feels», «conscious sensations», or the feel of «what it is like to be» – and of consciousness in general have been an important focus of research in the philosophy of mind. Qualia are (first order) properties of mental states and the concept is also used more broadly to indicate conscious experience in general. This article intends to show how the debate on the nature of these qualia, their reality and the question of their (ir)reducibility (or (in)eliminability) is closely related to the ontological commitment of the theories involved in their explanation; and also how, in view of the aforementioned Carnapian distinction between internal and external questions in ontology, a nonreductive naturalist theory of qualia and Phenomenal Consciousness can be constructed which at the same time allows for these phenomena to be accounted for within a realist ontology and epistemology.*

Key words: *metaontology, qualia-problem, hard problem of consciousness, realism, reductionism, (ir)reducibility, nonreductive naturalism.*

Наряду с термином «онтология» в последние годы появился новый термин, связанный с изучением онтологических проблем в философии, – «метаонтология» (и связанный с ним термин «метаметафизика») [1–2] Если основным вопросом онтологии являлся вопрос «что есть?» [3], то для метаонтологии важными оказываются вопросы: «Что мы имеем в виду, когда спрашиваем “что есть?”» и «Какая методология является правильной для онтологии?» [4].

Постановка этих вопросов, думается, оказывается плодотворной для выявления онтологических и эпистемологических следствий возможных решений проблемы. Природа феноменальных установок или квалиа, также называемых «сырыми чувствами» (raw feels), «осознанными ощущениями» (conscious sensations) или чувством «каково это быть» (what it is like to be) составляет одну из важных проблем, некогда сформулированную в рамках философии сознания, а сегодня выходящую за эту дисциплинарную границу. Проблема так называемого «объяснительного разрыва», рассматриваемого как «трудная проблема сознания», иллюстрирует понимание феноменального опыта как отличающегося от физических процессов [5]. В. Васильев отмечает: «“Трудная проблема” ... состоит в том, чтобы объяснить, почему функционирование мозга не происходит “в темноте”, почему оно вообще сопровождается сознанием, квалиа» [6, с. 218].

Актуальными представляются нам вопросы, сформулированные И. Касавиним: «...оправданно ли вообще рассмотрение сознания вне процесса познания, как это нередко происходит в рамках дискуссий по проблеме сознание-мозг? И вместе с тем есть ли в сознании что-либо, что не является знанием? Сводится ли сознание к знанию о происходящих в теле процессах? Являются ли квалиа знанием или исключительно эпифеноменом деятельности мозга?» [7, с. 14]. В нашей статье мы хотели бы продемонстрировать, каким образом дискуссии о природе и реальности квалиа связаны с онтологическим основанием теорий, привлекаемых для их объяснения, а также к каким эпистемологическим следствиям они приводят (или могут привести).

Реализм и антиреализм: взаимосвязь онтологических и эпистемологических посылок

Под терминами «реализм» и «антиреализм» в современном философском дискурсе скрывается широкий круг взглядов [8]. В первом смысле, быть реалистом в отношении некоторых объектов и/или видов объектов означает верить, что они существуют. Антиреалист считает, что объект и/или вид объектов, который предусматривается той или иной теорией, не существуют. Поэтому, к примеру, философы могут быть реалистами в отношении математических таблиц, но антиреалистами в отношении электронов [9, p. 113]. Разногласие между ними по сути дела заключается в «правильном» ответе на вопрос о существовании объектов, но и те и другие согласны с тем, что такой «правильный» ответ на вопрос в принципе возможен.

Во втором смысле, быть реалистом в отношении какого-то конкретного объекта и/или вида объектов означает признавать вопрос об их существовании. Здесь антиреалисты считают, что вопроса о существовании объектов и/или видов объектов просто нет. Антиреалист мог бы принять факт этого вопроса относительно концептуальной схемы или теоретического бэкграунда, но он сказал бы, что нет никакого безотносительного факта существования.

Первый из рассмотренных нами видов реализма можно назвать несколько тавтологично онтологическим реализмом [10, р. 4]. Согласно такой позиции независимо от сознания существует нечто, будь то отдельные объекты или некоторые виды объектов, такие как электроны, галактики, открытые для научной экспертизы. Антиреализм во втором смысле скорее относится к онтологическому релятивизму, поскольку признает существование объектов, постулируемых в науке, только по отношению к некоторому «релятивизатору» (*relativizer*), не важно, будь то человек или какая-либо теория.

Таким образом, онтологический реализм сводится к тезису о том, что существует мир, независимый от мысли и языка. Мы хотели бы специально подчеркнуть, что онтологический реализм, как правило, предполагает эпистемологический реализм. Последний означает признание принципиальной возможности познания не зависящей от сознания реальности, а также адекватности ее описания при помощи некоторых концептуальных конструкторов. Соответствующие версии антиреализма могут быть восприняты как отказ от одного или обоих этих тезисов.

Следовательно, можно сказать, что вопросы онтологии и существования объектов в значительной степени зависят от онтологического основания теорий, используемых для их определения. Здесь принципиально важным оказывается введенное Р. Карнапом различие между внутренними и внешними вопросами в онтологии [11]. Карнап считал, что имеет смысл говорить о существовании объектов только в отношении какой-либо концептуальной или языковой структуры. Вопросы существования могут задаваться либо внутренним, либо внешним образом: «Если кто-то хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов разговора, подчиненную новым правилам; мы будем называть эту процедуру построением языкового каркаса структуры для рассматриваемых новых объектов. И теперь мы должны различать два вида вопросов существования: во-первых, вопросы существования определенных объектов нового вида в рамках введенного каркаса; мы называем их внутренними вопросами; и, во-вторых, вопросы о существовании или реальности системы объектов в целом, называемые внешними вопросами. Внутренние вопросы и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений. Ответы могут быть найдены либо чисто логическими методами, либо эмпирическими методами, в зависимости от того, является ли каркас логическим или фактическим» [*ibid*, р. 21–22]. Внешние вопросы, по мнению Карнапа, гораздо более проблематичны, поскольку включают вопрос о существовании каркаса как такового. «От внутренних вопросов мы должны четко отличать внешние вопросы, т. е. философские вопросы, касающиеся существования или реальности всей системы новых объектов. Многие философы рассматривают вопрос такого рода как онтологический вопрос, который нужно поднимать и ответ на который необходимо дать перед введением новых языковых форм. По их мнению, введение является законным только в том случае, если оно может быть оправдано онтологи-

ческим прозрением, обеспечивающим утвердительный ответ на вопрос о реальности. В отличие от этой точки зрения, мы считаем, что введение новых способов разговора не нуждается в каком-либо теоретическом обосновании, так как оно не подразумевает какого-либо утверждения о реальности. Мы всё еще можем говорить (как уже делали это) о “принятии новых объектов”, поскольку эта форма речи обычна; но нужно иметь в виду, что эта фраза не означает для нас ничего большего, чем принятие нового каркаса, т. е. новых языковых форм. Прежде всего, это не должно интерпретироваться как относящееся к предположению, вере или утверждению «реальности объектов». Ничего подобного здесь нет. Предполагаемое утверждение о реальности системы сущностей является псевдоутверждением, лишенным когнитивного содержания. Разумеется, перед нами стоит важный вопрос; но это практический, а не теоретический вопрос; речь идет о том, принимать ли новые языковые формы или нет. Принятие не может расцениваться как истинное или ложное, потому что оно не является утверждением. Его можно рассматривать только как более или менее целесообразное, плодотворное, ведущее к той цели, для которой предназначен язык. Оценки такого рода дают мотивацию для принятия решения, принять или отвергнуть те или иные объекты» [ibid, p. 31]. Введенное Карнапом разделение отсылает нас к одному из центральных вопросов метаонтологии: «Что мы имеем в виду, когда спрашиваем “что есть”?».

В качестве иллюстрации рассмотрим существование чисел или множеств (абстрактных объектов). Карнап считал, что вопросы существования абстрактных математических объектов не являются глубокими или интересными. Вопросы существования, которые можно в этом случае задать (например, существуют ли числа, множества, классы?) являются лишь частью языкового каркаса теории, в которой они действуют. Другими словами, числа не существуют отдельно от теории, в которой они функционируют: если мы примем язык, говорящий о «числах» или «множествах», существуют правила, которые приведут к принятию «существования» (или, точнее, к утверждению существования) именно этих, а не других чисел или множеств. Но означает ли это, что они также существуют вне теории или языка? По словам Карнапа, совершенно определенно нет. Принятые языковые каркасы не позволяют нам отвечать на такие внешние вопросы. Более того, такие каркасы основаны на прагматических соображениях плодотворности, эффективности и т. д., а не на онтологических соображениях.

Поэтому для Карнапа вопрос «существует ли x ?» или «есть ли x ?» может быть понят несколькими способами [12, p. 131–132]. Если понимать этот вопрос как внутренний, то он является приемлемым и беспроblemным, поскольку задан в рамках некоторого теоретического каркаса. Однако, если мы интерпретируем этот вопрос как внешний и, следовательно, фактический, то, по мнению Карнапа, это незаконный вопрос, лишенный «когнитивного содержания», хотя он может иметь прагматический интерес, а значит, не всегда является однозначно нелегитимным.

Разработка позиции Карнапа была реакцией на идеи У. Куайна, за несколько лет до этого защищавшего натуралистический взгляд на методологию онтологии [3]. Куайн пишет: «То, как мы принимаем онтологию, я думаю, в принципе подобно тому, как мы принимаем научную теорию – скажем, систему физики: мы допускаем, по крайней мере до тех пор, пока остаемся разумными существами, простейшую концептуальную схему, в которой можно согласовать и организовать разрозненные фрагменты “сырого” опыта. Определившись в отношении общей концептуальной схемы науки в самом широком смысле, мы определяем нашу онтологию; а соображения, определяющие разумное конструирование любой части этой концептуальной схемы, например биологической или физической, не отличаются по виду от соображений, определяющих разумное конструирование целого. В какой степени можно утверждать относительно признания любой системы научной теории, что оно есть вопрос языка, в той же степени – но не в большей – это можно утверждать и относительно допущения любой онтологии» [ibid, p. 35–36].

Таким образом, возникновение метаонтологии в современных исследованиях вызвано необходимостью более четкой демаркации онтологических и эпистемологических уровней обсуждения широкого круга различных проблем. Как показано в работе [13], различные подходы к решению проблемы реальности в современной философии приводят к трансформации эпистемологического пространства дискуссий, развивающегося в рамках фундаментализм vs антифундаментализм (релятивизм). Рассмотрение проблемы квалиа с точки зрения метаонтологии позволяет показать конструктивность такого подхода и до некоторой степени преодолеть путаницу в концептуальных основаниях современных теорий, так или иначе касающихся объяснения онтологического статуса феноменальных установок сознания.

Проблема квалиа: типология подходов с онтологической и эпистемологической точек зрения

Дискуссия о природе и существовании квалиа в философии сознания – одна из наиболее интересных и жарких в современной философии. Прототипическими примерами квалиа выступают «видение красной точки», «чувство боли» или «ощущение запаха свежесваренного кофе». В процессе обсуждения возникает целый ряд вопросов. Существуют ли квалиа лишь в субъективном опыте? Возможно ли говорить об онтологическом измерении квалиа, если да, то в каком смысле? Можно сказать, что «сознание» в целом само по себе также феноменально, поскольку существует «нечто, что означает быть сознательным», и нет ничего, что было бы не сознательным (подобно тому, как человеческое бытие может быть противопоставлено бытию природных объектов). Квалиа характеризуются определенными свойствами, которые частично также могут быть приписаны сознанию как таковому. Некоторые из этих свойств заключаются в том, что они являются неотъемлемой, нерепрезентативной,

субъективной точкой зрения «от первого лица», непосредственно представленной в сознании [14–15].

Существует широкий спектр теорий, пытающихся объяснить квалиа. Условно эти теории могут быть подразделены на физикалистские и антифизикалистские, а на более глубоком уровне – редуцирующие и нередуцирующие теории. Как отмечает У. Кригель, «физикалистские теории пытаются объяснить квалиа в (микро) физических терминах. Антифизикалистские теории утверждают, что это невозможно. Скорее всего, более фундаментальное отличие означает разделение на редуцирующие и нередуцирующие теории. Редуцирующие теории пытаются объяснить феноменальный характер в не-феноменальных терминах. Нередуцирующие теории этого не делают. Являются ли соответствующие феноменальные термины, в свою очередь, учтены в (микро) физических терминах, остается сегодня открытым вопросом» [16, р. 58].

В качестве примера нередуцирующей теории рассмотрим так называемый аргумент знаний (the Knowledge Argument), предложенный Ф. Джексоном [17]. Этот аргумент направлен против физикализма [18]. Напомним кратко суть предложенного им сюжета. Мэри – ученый, которая по тем или иным причинам всегда была вынуждена исследовать мир из закрытой комнаты, обстановка которой выдержана в черно-белой гамме, работая с черно-белым монитором компьютера. Она специализируется на нейрофизиологии цветного зрения и изучает всё, что с этим связано. Она знает, как цвета связаны со световыми волнами, как они стимулируют сетчатку и как эти стимуляции обрабатываются в мозгу, тем самым полагая, что имеет полное представление об этих цветах. Зададимся вопросом, что произойдет, когда Мэри освободится из своей черно-белой комнаты и столкнется с «реальными цветами» снаружи? Согласно исходной гипотезе, она знает всё, что нужно знать о цветовом видении. По словам Джексона, «кажется очевидным, что она узнает что-то о мире и нашем визуальном опыте. Но тогда неизбежно оказывается, что ее предыдущие знания были неполными. Следовательно, существует еще “нечто такое”, следовательно, физикализм является ложным учением» [ibid, р. 130]. Этот аргумент, вместе с «аргументом летучей мыши» Т. Нагеля [19], призван показать, что квалиа и сознание вообще не могут быть редуцированы. Аргумент, подобный этому, считается опровержением физикализма, поскольку последний утверждает, что, в конечном счете, каждый факт о человеческом сознании является фактом, который можно описать объективно и/или открыто. Поскольку, согласно гипотезе, Мэри знает всё, что физически известно о цветовом видении, но она не знает, «что такое видеть цвет», а природа любой физической вещи или свойства может быть выражена в терминах физической науки, следовательно, феноменальная природа опыта («что такое видеть цвет», т. е. квалиа) не является физическим свойством.

Диаметрально противоположны этой позиции взгляды Д. Деннета [20]. Отвергая одновременно как позицию физикализма, так и ментализма, в качестве альтернативы он предлагает функционализм. По мне-

нию Деннета, именно его позиция позволяет осуществлять адекватное описание сознания и его феноменов (в частности, квалиа) на языке, избегая при этом онтологических и эпистемологических тупиков, в которые приводят крайние позиции физикализма и ментализма.

Деннет отказывает квалиа, рассматриваемым как качественный аспект сознания, в существовании. Он концентрируется на предполагаемой неотъемлемости квалиа для психических установок и приходит к выводу, что их природа является скорее внешней по отношению к сознанию и поэтому может быть изучена научными методами. Он отрицает существование квалиа как невыразимого и полностью субъективного опыта. Следовательно, квалиа можно изучать научно, с точки зрения «третьего лица», используя метод, который Деннет называет гетерофеноменологией (*Heterophenomenology*).

Квалиа, по мнению Деннета, является всего лишь фикцией философского объяснения. Поэтому он оставляет открытой возможность того, что квалиа – это всего лишь иллюзия, которая когда-нибудь найдет полное объяснение с точки зрения «третьего лица». Иначе говоря, при таком подходе трудная проблема сознания попросту исчезает. В связи с этим для Деннета важным оказывается вопрос о природе философского знания. Если научное знание в принципе может оказаться способным охватить поле феноменов, связанных с сознанием, остается ли место философской рефлексии? С точки зрения Деннета, «беда философии состоит в том, что она оказалась значительно более сложным феноменом, нежели это представляется ученому или человеку от искусства, поскольку она разделяет – и должна разделять – претензии и методы того и другого... Поэтому мой метод, <...> очень серьезно принимает науку, однако тактика его более схожа с методами искусства» [21, р. 3]. В данном случае речь идет, прежде всего, об использовании метафор. Развенчивая те подходы к объяснению сознания, которые были выдвинуты в рамках классической философии, в первую очередь, картезианский дуализм, Деннет нисколько не претендует на смену, если можно так выразиться, языкового кода. Он не осуществляет перехода от метафоричности к логицизму. Напротив, свою концепцию включает в традицию философствования, передающуюся посредством использования ее концептуальных средств. Так, в работе «Объясненное сознание» Деннет делает такое заключение: «Мое объяснение сознания далеко от завершения. Можно даже сказать, что это было только начало, потому что оно нарушает заклинание зачарованного круга идей, из-за которого объяснение сознания кажется невозможным. Я не заменил метафорическую теорию – Картезианский Театр – на неметафорическую («буквальную», «научную») теорию. На самом деле всё, что я сделал, – это заменил одну семью метафор и образов на другую, заменяя метафоры Театра, Свидетеля, Центральной Самости, на метафоры Программного Обеспечения, Виртуальных Машин, Многократных Набросков, Собрание Гомункулусов (*Pandemonium of Homunculi*). Вы можете сказать, что это просто война метафор, но метафоры не являются “просто” метафорами: метафоры – это инструменты

мышления. Никто не может думать о сознании без них, поэтому важно оснастить себя лучшим набором доступных инструментов. Посмотрите, что мы создали с помощью наших инструментов. Могли бы вы представить это без них?» [20, р. 455]. Деннет, на самом деле, активно использует понятия, взятые из областей естествознания и компьютерных наук, но придает им в полной мере метафорический статус.

Между тем важно отметить еще одно обстоятельство. Теория Деннета, представляющая собой сдвиг в использовании некоторых метафор, явно напоминает ранее объясненную нами концепцию языкового каркаса Карнапа, определяющего онтологию рассматриваемой теории. Напомним, Карнап считал, что имеет смысл спросить о «том, что есть» только в смысле некоторых концептуальных и языковых каркасов. И лишь в этих рамках мы можем задать внутренний вопрос о существовании вещей. Вопросы вне каркасов, внешние вопросы, по большей части прагматичны или практичны: «Таким образом, ясно, что принятие какого-либо языкового каркаса не следует рассматривать как подразумевающее метафизическое учение о реальности, касающееся реальности рассматриваемых объектов» [11, р. 32].

С этой точки зрения существование феноменальных установок и квалиа будет иметь смысл только в том случае, если существуют веские основания для нередукционистских утверждений. Деннет считает, что их нет, поэтому предлагает заменить одну концептуальную рамку на другую, которая зиждется на его гетерофеноменологической методологии. Последняя, в свою очередь, объявляет прежнюю рамку лишенной какого-либо здравого смысла, а сущности и их свойства, установленные в ней, – «несуществующими».

Тем не менее, поскольку Деннет объявляет квалиа как (буквально) несуществующие, он отвечает на внешний вопрос («действительно ли существуют квалиа и феноменальные установки» за пределами каких-либо каркасов?). В соответствии со стандартами Карнапа он будет отвечать на нелегитимный вопрос, отрицательный ответ на который не является адекватным ответом, поскольку сам ответ также будет нелегитимным. Разумеется, реалисты, утверждающие наличие феноменальных установок, в этом смысле несколько не лучше, так как утвердительный ответ на вопрос о существовании также будет нелегитимным.

Эпистемологический аспект неустранимости квалиа

Итак, наши рассуждения приводят к выводу о том, что квалиа могут иметь право на существование внутри нередуктивной теории сознания, и их существование не может быть подтверждено независимым от языка теории путем. Такое утверждение, которое можно было бы назвать «квазиреалистичным», представляется нам сопоставимым с аргументом неустранимости для существования математических объектов.

Аргумент неустранимости в рамках математического реализма основан на идее о том, что математические объекты предполагаются любой физической научной теорией и поэтому должны считаться «существующими».

щими», поскольку любая физическая теория онтологически привержена им. В течение некоторого времени это был одним из самых влиятельных аргументов в пользу математического реализма. Так, Х. Патнем утверждал, что «квантификация математических объектов незаменима для науки <...> поэтому мы должны принять такую квантификацию, но это обязывает нас признать существование рассматриваемых математических объектов. Этот тип аргументов конечно, от Куайна, который в течение многих лет подчеркивал как необходимость квантификации математических сущностей, так и интеллектуальную нечестность отрицания существования того, что обычно предполагается» [22, р. 347]. В подобном ключе рассуждает и П. Мэдди: «...мы судим об онтологии теории, а не глядя на ее субъекты или предикаты, но отмечая, что она говорит “есть”; это “критерий онтологической приверженности” Куайна. По этому стандарту, принимая нашу лучшую научную теорию мира, мы посвящаем себя онтологии, включая математические объекты; мы становимся математическими реалистами» [23, р. 103].

Заметим сразу, что, даже если бы этот аргумент был бы истинным, то о предполагаемом существовании математических объектов можно было бы говорить только в рамках некоторого концептуального каркаса, поскольку онтологическая приверженность теории обнаруживается прежде всего на языковом уровне. Речь идет о том, что теория *утверждает нечто* для того, чтобы быть истинной, но она вовсе не устанавливает существования математических объектов не зависящим от языка образом.

Разумеется, аргумент о неустраимости (как и идеи Карнапа о разделении вопросов на внешние и внутренние) был в основном направлен на обсуждение сюжета о существовании абстрактных (математических) объектов. Однако ничто не мешает нам распространить эти аргументы на исследование проблемы существования квалиа как феноменальных психических установок. В то же время мы имеем полное право утверждать, что в онтологии нередуктивных теорий квалиа со свойствами, упомянутыми выше, неустраимы, как, на самом деле, и менталистский язык вообще. По мнению Л. Бейкер, «...менталистские термины используются в успешных объяснениях и предсказаниях, и они неустраимы из “успешных” психологических теорий. <...> Это все доказательства, которые необходимы для того, чтобы сохранить существование психических установок и процессов» [24, р. 11].

Таким образом, проведенное нами сравнение дискуссий по проблемам существования математических (абстрактных) объектов и квалиа показывает, что эпистемологическая оправданность и целесообразность могут оказываться основаниями для положительного ответа как на онтологические, так и метаонтологические вопросы.

Эвристические возможности нередуктивного натурализма

Большинство современных философов, занимающихся проблемами квалиа, работающих в редукционистском направлении, являются натуралистами и элиминативистами. По их мнению, феноменальные психи-

ческие состояния должны быть редуцированы или устранены в пользу такой теории, чья онтология «заслуживает доверия». Предпочтительной наукой при таком подходе чаще всего объявляется физика. Как справедливо отмечает Бейкер, «редуктивный натурализм требует, чтобы редукция проходила вплоть до физики микромира. Если бы ментальные свойства были сводимы, скажем, к нейронным свойствам, то нейронные свойства еще не приводили бы к редукции, это была бы лишь частичная редукция. Все слои между нейронными и микрофизическими все еще остаются нетронутыми; но целью редукционизма является сведение всех уровней до нижнего уровня, если таковой существует» [ibid, p. 7]. Однако само существование такого «нижнего уровня» оказывается сомнительным, поскольку составляет открытый эмпирический вопрос [25]. Однако натурализм не противоречит теории, в которой квалиа и их предполагаемые свойства могут быть представлены без редуцирования. Так, Бейкер предлагает собственный проект нередуктивного натурализма (nonreductive naturalism) [24]. Нам представляется вполне убедительным предложенное ей различие между онтологической, эпистемологической и методологической версиями научного реализма. «Онтологический натурализм означает, что онтология (т. е. полная инвентаризация действительности) исчерпывается объектами и свойствами, порождаемыми научными теориями. Эпистемологический натурализм – точка зрения, предполагающая, что эпистемологические вопросы (например, что мы можем знать или какова природа знания или обоснования) должны быть исследованы эмпирически, например, с помощью научных данных наших когнитивных способностей. Методологический натурализм означает, что методы философии должны быть ограничены методами науки. Следствием методологического натурализма является объяснительный натурализм, т.е. мнение, согласно которому все подлинные объяснения являются научными объяснениями. Любой из этих видов подпадает под рубрику научного натурализма» [ibid, p. 4]. Натурализм подобного рода признает «реальными» только объекты и свойства «третьего лица» и поэтому привержен отказу и/или редукции онтологических претензий «первого лица», а значит, также квалиа.

Напротив, нередуктивный реализм доказывает, что есть свойства, которые невозможно устранить из подлинной теории квалиа (в том числе с точки зрения «первого лица»). Он признает существование различных концептуальных рамок, каждая из которых может иметь отношение к объяснению рассматриваемых явлений и подразумевает плюрализм в отношении возможных теорий, которые полезны в их понимании [ibid, p. 11–12].

Нередукционистский подход позволяет не только сохранить статус концепта квалиа, но также сохраняет реалистическую позицию в контексте рассмотрения онтологического и эпистемологического измерений проблемы феноменальных психических установок. При этом философский подход сохраняет свою значимость и самодостаточность наряду с научными открытиями в области исследования сознания и познания.

Литература

1. *Inwagen P. van. Meta-Ontology / P. van. Inwagen // Erkenntnis. – No. 48. – P. 233–250.*
2. *Metametaphysics. Essays on the Foundations of Ontology / ed. by D. Chalmers, D. Manley, R. Wasserman. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 544 p.*
3. *Quine W. V. O. On What There Is / W. V. O. Quine // The Review of Metaphysics. – 1948. – Vol. 2, No. 5. – P. 21–38.*
4. *Berto F. Ontology and Metaontology : A Contemporary Guide / F. Berto, M. Plebani. – London : Bloomsbury, 2015. – 254 p.*
5. *Chalmers D. Facing up the Problem of Consciousness / D. Chalmers // Journal of Consciousness Studies. – 1995. – Vol. 2, No. 3. – P. 200–219.*
6. *Васильев В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – М. : Прогресс – Традиция, 2009. – 272 с.*
7. *Касавин И. Т. Сознание : между Хиггинсом и Франкенштейном / И. Т. Касавин // Epistemology and philosophy of science = Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 31, № 1. – С. 1–17.*
8. *Vergauwen R. Ontology / R. Vergauwen // Handbook of pragmatics / ed. by J. Blommaert. – Amsterdam : Benjamins, 1995. – P. 309–404.*
9. *Heller M. Putnam, Reference and Realism / M. Heller // Studies in Realism. Midwest Studies in Philosophy / ed. by P. French. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1988. – Vol. 12. – P. 113–127.*
10. *Nola R. Introduction. Some Issues Concerning Relativism and Realism in Science / R. Nola // Relativism and Realism in Science / ed. by R. Nola. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1988. – P. 1–35.*
11. *Carnap R. Empiricism, Semantics, and Ontology / R. Carnap // Revue Internationale de Philosophie. – 1950. – Vol. 4. – No. 11. – P. 20–40.*
12. *Ecklund M. Carnap and Ontological Pluralism / M. Ecklund // Metametaphysics. Essays on the Foundations of Ontology / ed. by D. Chalmers, D. Manley, R. Wasserman. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – P. 130–156.*
13. *Ищенко Е. Н. Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсах / Е. Н. Ищенко // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. – 2005. – № 2. – С. 3–20.*
14. *Kim J. Philosophy of Mind / J. Kim. – Boulder, CO : Westview Press, 2011. – 386 p.*
15. *Gulick R. van. Functionalism and Qualia / R. van. Gulick // The Blackwell Companion to Consciousness / ed. by M. Velmans, S. Schneider. – Malden, MA : Blackwell, 2007. – P. 381–395.*
16. *Kriegel U. Consciousness, Theories of. / U. Kriegel // Philosophy Compass. – 2006. – Vol. 1, No. 1. – P. 58–64.*
17. *Jackson F. Epiphenomenal Qualia / F. Jackson // Philosophical Quarterly. – 1982. – Vol. 32. – P. 127–136.*
18. *Vergauwen R. Will Science and Consciousness ever Meet? Complexity, Symmetry and Qualia / R. Vergauwen // Symmetry. – 2010. – Vol. 2. – P. 1250–1269.*
19. *Nagel T. What is it like to be a Bat? / T. Nagel // Philosophical Review. – 1972. – Vol. 82. – P. 435–456.*

20. *Dennett D.* *Consciousness Explained* / D. Dennett. – Boston, MA : Little, Brown and Company, 1991. – 511 p.
21. *Dennett D.* *Elbow Room : The Varieties of Free Will Worth Wanting* / D. Dennett. – Cambridge, MA : MIT Press, 1984. – 200 p.
22. *Putnam H.* *Philosophy of Logic* / H. Putnam // Putnam H. *Mathematics, Matter and Method : Philosophical Papers*. – 2d ed. – Cambridge (Mass) : Cambridge University Press, 1979. – Vol. 1. – P. 323–357.
23. *Maddy P.* *Naturalism in Mathematics* / P. Maddy. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 254 p.
24. *Baker L. R.* *Naturalism and the First-Person Perspective* / L. R. Baker. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 272 p.
25. *Schaffer J.* *Is There a Fundamental Level?* / J. Schaffer // *Nous*. – 2003. – Vol. 37. – P. 498–517.

*Центр логики и философии науки
Института философии Левенского католического университета (Бельгия)*

*Вергаувен Р., профессор
E-mail: roger.vergauwen@kuleuven.be*

Воронежский государственный университет

Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания факультета философии и психологии

E-mail: phil@elena.vsi.ru

Center for Logic and Philosophy of Science of the Institute of Philosophy of the Leuven Catholic University (Belgium)

*Vergauwen R., Professor
E-mail: roger.vergauwen@kuleuven.be*

Voronezh State University

*Ishchenko E. N., Dsc in Philosophy, Professor
E-mail: phil@elena.vsi.ru*